

**ОБРАЗ ГДР В СОВЕТСКОМ МАССОВОМ СОЗНАНИИ
(к постановке проблемы)**

Для большинства населения СССР послевоенная Германия воспринималась – благодаря разного рода идеологическим посредникам – прежде всего через призму ГДР – “новой и хорошей Германии”, в то время как “старая” ФРГ (“плохая Германия”) сосредотачивала в себе все негативные тенденции германской истории¹. После исторического “поворота” 1989–1990 гг. ГДР стала исчезать из массового советского сознания и началось романтическое открытие “новой” Германии – ФРГ². Исчезновение ГДР с политической карты

* *Вершинин Сергей Евгеньевич* – главный научный сотрудник отдела философии ИФиП УрО РАН, доктор философских наук.

¹ Даже в серьезных исследованиях господствующий идеологический императив заставлял авторов давать определенные оценки. Так, в фундаментальном исследовании А.А. Демина и С.Б. Лаврова “ФРГ сегодня. Некоторые актуальные проблемы экономики, науки, политики” (Лениздат, 1973) постоянно встречаются выражения: “сложнейшие проблемы в области сельского хозяйства ФРГ не только существуют, но и продолжают усложняться” (с. 131), “...университеты и другие вузы ФРГ размещены далеко не лучшим образом” (с. 264), “в ФРГ нарастает волна массовой наркомании” (с. 381) и т.д. См. также: Федеративная Республика Германии. М., 1983. Отвлекаясь от вопроса об истинности вышеприведенных оценок, отметим их “алармистский” характер, резко контрастирующий с бодро-оптимистическими анализами и репортажами из ГДР. Более спокойным тоном отличаются книги В.А. Боброва (ФРГ. Штрихи к портрету. М., 1978) и В.П. Федорова (ФРГ: очерки общественных нравов. М., 1986).

² Эпоха своеобразного романтизма в отношениях с Западом продолжалась до второй половины 1990-х гг. и характеризовалась надеждами на быстрое сближение и взаимопонимание во всех сферах внутренней и внешней политики. В этой связи поток позитивной информации о “старой” ФРГ увеличился во много раз по сравнению с концом 1980-х гг. Исчезновение идеального образа ГДР было компенсировано конструированием идеального образа ФРГ. Соответственно, можно предположить, что одной из причин массовой эмиграции из России в Германию было такое

мира не вызвало в распадавшемся Советском Союзе сильной реакции. Хотя в средствах массовой информации можно было встретить многочисленные комментарии политиков и дипломатов, внимание населения было приковано к нарастающим экономическому и политическому кризисам. Внутренние проблемы оказались важнее внешнеполитических. Так, при сломе одной из советских идеологических традиций из поля зрения пропала и сама ГДР, превратившись для молодого поколения россиян лишь в очередную главу из учебника по истории. Такая ситуация сохраняется в России и в настоящее время.

Напротив, в современной ФРГ “ГДР-ведение” стало важной составной частью политологии, социологии, культурологии³. Лавинообразно нарастающий поток интерпретаций в рамках парадигмы тоталитаризма, в котором на первый план выдвигаются разоблачения Штази, коррупция коммунистической элиты, имеет значение прежде всего в рамках внутригерманских отношений (как отношений между “Осси” и “Весси”) и преследует, в частности, цель нейтрализации позитивных воспоминаний восточных немцев о своем социалистическом прошлом. Это особенно важно при наступившем ныне очередном этапе “остальгии”⁴.

“розовое” представление о благополучном и бесконфликтном западногерманском обществе.

³ См., напр: Bilanz und Perspektiven der DDR-Forschung. Herausgegeben von Rainer Eppelmann, Bernd Faulenbach und Ulrich Mählert im Auftrag der Stiftung zur Aufarbeitung der SED-Diktatur. Paderborn, 2003.

⁴ Современное состояние восточно-германских граждан (“Осси”) характеризуется своеобразной “остальгией”, которую можно расшифровать как ностальгию по ГДР. Первая волна интереса к ГДР наблюдалась в первой половине 1990-х гг., а потом постепенно пошла на убыль. Однако сейчас снова заметен рост интереса к восточногерманской истории и особенно к культуре. Организуются различные выставки, например “Подъем и падение модерна” (Веймар, 1999), “Искусство в ГДР” (Берлин, 2003) и т.д., выпускаются различные товары, имитирующие или воспроизводящие символику ГДР. В г. Айзенхюттенштадте создан музей культуры повседневности ГДР – см. об этом: Dokumentationszentrum Alltagskultur der DDR. Sammlung, Ausstellung, Bibliothek. Eisenhüttenstadt, 2001 (см. также о

Современное падение интереса к Восточной Германии, которое легитимируется либо тезисом восстановления исторической справедливости, либо различием исторических судеб России и Германии, не должно заслонять существования целого поля теоретических проблем, которые требуют своего исследования. В-первых, требует переосмысления сам феномен сотрудничества граждан СССР и ГДР, воплотившийся не только в совместные экономические проекты, но и фестивали культуры, массовый туризм⁵, деятельность обществ дружбы “СССР-ГДР” и “Германо-советской дружбы” (DSF)⁶. Массовый распад этого общества дружбы в ГДР

культуре повседневности ГДР: www.ddr-alltagskultur.de). Сохранению памяти посвящены и новые мемориалы, созданные на месте прохождения германско-германской границы – в Берлине это, в частности Берлин-Хоэншёнхаузен (Die Gedenkstätte Berlin-Hohenschonhausen – см. об этом: www.stiftung-hsh.de), в Саксонии-Ангальт, например, пограничный переход Мариенборн (Die Grenzübergangsstelle Marienborn (www.grenzdenkmaeler.de)). См. общий обзор в: Behrens H., Wagner A. (Hrsg). Erinnerungsorte. Institutionen und Formen der Auseinandersetzung mit der SBZ-und DDR-Geschichte. Forum Verlag, Leipzig, 2003. Особая роль принадлежит Форуму современной истории (Zeitgeschichtliches Forum) в Лейпциге, открывшемуся 9 октября 1999 г. (см. об этом: Einsichten. Leipzig, 2000). Проводятся многочисленные конференции, среди них в 2003 г. состоялись: „Вообще все гораздо более разнообразно. Вторая конференция по исследованию ГДР“ (Берлин), „Асимметрично переплетенная параллельная история? История ФРГ и ГДР в выставках, музеях и памятных местах“ (Реклингхаузен). При этом мы не затрагиваем другого, агрессивно-негативного аспекта в отношении ГДР, выражающегося в уничтожении и принудительном забвении символов ГДР, о чем свидетельствует, например, решение комитета по культуре Бундестага (от 7.11. 2003 г.) о сносе Дворца республики.

⁵ Число туристов с каждым десятилетием нарастало. Если в 1970 г. ГДР посетило 32 682 туриста из СССР, то в 1980 – 75 766, в 1984 – 100 748, 1985 – 115 548 человек (Карманный статистический справочник Германской Демократической Республики-1986. Берлин, 1986. С. 137).

⁶ Положение о дружбе содержалось в одной из статей Конституции ГДР: “Германская Демократическая Республика навечно и необратимо связана узами дружбы с Союзом Советских Социалистических Республик.

после “поворота” в 1989–1990 гг. заставляет поставить вопрос о мотивации и функциях взаимодействия граждан СССР и ГДР. Во-вторых, присутствие Группы Советских войск в Восточной Германии означало формирование у сотен тысяч солдат и офицеров собственных впечатлений как от самой “страны пребывания”, так и от рабочих контактов с органами власти и населением ГДР⁷. Однако этот слой массового сознания плохо изучен. В-третьих, ведущая роль западногерманских историков и политологов в анализе “цивилизации ГДР” означает, что российские версии перелома в Восточной Германии зачастую носят оборонительно-оправдательный характер с чертами комплекса неполноценности⁸. Исходя из вышеиз-

Тесный и братский союз с СССР гарантирует народу Германской Демократической Республики дальнейшее продвижение по пути социализма и мира” // Конституция Германской Демократической Республики. Дрезден, 1975. С. 12.

⁷ “Почти за столетие существования группы с ней связали свою судьбу 540 тыс. офицеров, 180 тыс. прапорщиков, 5 млн 380 тыс. солдат и сержантов. Если сюда добавить 416 тыс. рабочих и служащих да 1,5 млн членов семей военнослужащих, получится солидное государство – более 8 млн человек” (Болтунов М. ЗГВ: горькая дорога домой. СПб., 1995. С. 100). Впечатления, прежде всего, офицеров ЗГВ от взаимодействия с представителями местной власти и хозяйства очень часто – вплоть до сегодняшнего дня – остаются позитивными, и чем положительнее характеризуется это сотрудничество, тем больше возникает вопрос о его причинах и последствиях. Логично также поставить вопрос о существовании “остальгии” и в России – по крайней мере, у двух групп: во-первых, у тех бывших школьников, кто жил с родителями и учился в гарнизонах ЗГВ, во-вторых, у бывших военнослужащих ЗГВ. Что касается взаимоотношений советских солдат и офицеров с местным населением, то в специализированных журналах ФРГ стали появляться интересные статьи на эту тему. См., например: *Satjukow S. Sowjetische Streitkräfte und DDR – Bevölkerung* // *Deutschland-Archiv*. 2003. № 3. S. 414-428.

⁸ Разумеется, есть и серьезные исследования, отличающиеся своим тоном от поверхностной публицистики. См., например: *Кузьмин И.Н.* Поражение. Крушение ГДР и объединение Германии. М., 2003; *Максимычев И.П.* “Народ нам не простит...” Последние месяцы ГДР: Дневник советника-посланника посольства СССР в Берлине. Доклад-98. М., 2002.

ложенных соображений, исследование образа ГДР в массовом общественном сознании представляется актуальным. Однако масштаб темы столь велик, что мы ограничимся – в качестве первого этапа – анализом популярной литературы и публикаций в советских средствах массовой информации в 1980-е гг., задававшей официальный образ ГДР и восточных немцев.

Стереотипы восприятия хорошо изложены в предисловии к путеводителю “Небольшое путешествие по ГДР”: “Может быть, думая о ГДР, Вы вспоминаете о Лейпцигской ярмарке или о Дрезденской картиной галерее, а может быть, об оптике, выпускаемой цейсовскими заводами, или о майсенском фарфоре, или о кружевах из Плауэна”⁹. В данном высказывании, связанном скорее с туристическим восприятием страны, отражены характерные культурные символы, связанные прежде всего с традициями Германии. Однако поскольку сотрудничество ГДР и СССР носило всесторонний характер, в работах, посвященных различным его аспектам, можно обнаружить и ряд других обобщений¹⁰, о чем мы и будем говорить дальше.

Исходное противоречие и его модификация. Состояние войны между двумя государствами означало также и существование философских, идеологических, политических, культурных противоречий между гражданами этих государств. Исходное противоречие между победителями и побежденными снималось тезисом И.В. Сталина от 1942 г. о невинности немецкого народа: “Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, государство германское – остается”¹¹. В послевоенные годы это противоречие сохранялось, но модифицировалось и выступало в следующих формах.

⁹ Небольшое путешествие по ГДР. Дрезден, 1967. С. 5.

¹⁰ Рекомендательный библиографический справочник “Германская Демократическая Республика” (М.: Книга, 1983) из серии “Страны и народы мира” насчитывает 794 названия работ по истории, экономике, культуре, науке, философии Германии и ГДР.

¹¹ Цит. по: Горяева Т. Убить немца: Образ противника в советской пропаганде // Родина. 2002. № 10. С. 43.

Прежде всего, это *постулирование превосходства СССР* сначала над Германией и ГДР. Отвлекаясь от общеизвестных фактов военного превосходства, авторы (а особенно бывшие фронтовики) подчеркивают *морально-идеологическое превосходство* советских людей, которому противостояло “идейное и моральное разложение среди немцев, не нашедших в себе силы самим освободиться от фашистской диктатуры”¹². Это превосходство было особенно значимо в первые послевоенные годы¹³.

Далее, это *превосходство по природным ресурсам*: “ГДР... опирается на поставки из СССР по природному газу на 100%, нефти – примерно на 90, железной руде – на 65, древесине – на 100 и хлопку – почти на 90%”¹⁴ Этот постоянный ресурсный рефрен сопровождался

¹² Абызов В., Брок Г. ГДР: будни и праздники. М., 1984. С. 11. Более того, это превосходство было связано, особенно после окончания войны, с осознанием фронтовиками, работниками Советской военной администрации в Германии примитивных стереотипов немецкого населения о советских людях: “Какие дикие представления имели о нас немцы! И не простой человек с улицы, но и образованные, культурные люди, интеллигенты. Был случай, когда один такой интеллигент, осмелев, попросил меня показать, действительно ли у нас на пиджаках, там, где обычно нашивался знак фирмы, проставлен номер. – Мне говорили, – смущенно объяснял мне интеллигент, – что у вас костюмы не личные, а государственные и выдаются только тем, кто выезжает за границу... Правда ли это? – Были вопросы и почище...” (Вайс Г. Утром, после войны. М., 1984. С. 209).

¹³ “Борьба за Берлин была знаменательна не только героикой и доблестью наших людей. Советские войска показали здесь свое огромное моральное превосходство, проявили высокое благородство и гуманность по отношению к жителям германской столицы” (Корольков Ю. В Германии после войны. Записки корреспондента. М., 1951. С. 8. Автор этой книги, Ю. Корольков, прибывший с группой писателей в Германию на Нюрнбергский процесс в конце ноября 1945 г., так описывал свои впечатления: “Какими убогими, темными и тесными шахтами выглядели берлинские станции метрополитена по сравнению с подземными дворцами московского метро. Но в то же время удивило, что в разбитом городе поезда ходят строго по расписанию” (Там же. С. 6).

¹⁴ Абызов В., Брок Г. ГДР: будни и праздники. С. 66.

иногда своеобразными демагогически-экономическими аргументами: “..предметы длительного пользования в ГДР в два-три раза дороже, чем в Советском Союзе”¹⁵. К нему примыкает то, что можно было бы назвать *климатически-производственным превосходством*, выливающимся в самые различные легенды и байки о немецкой “морозофобии”. Вот один из характерных рассказов: “Лет десять назад мне довелось быть в ГДР зимой. В январе обильно выпал снег и ударили морозы. Остановились поезда, нарушилось отопление и водоснабжение целых районов. Ощущались острые перебои в работе ряда отраслей промышленности. И это всего при двадцати градусах ниже нуля!”¹⁶.

Логическим следствием позиции превосходства (первенства, большей опытности) становится установление вертикальных отношений “учитель – ученик”, нашедших воплощение в знаменитом лозунге “Учиться у Советского Союза – значит учиться побеждать”¹⁷. Но это означает повторение советского опыта в националь-

¹⁵ *Абызов В., Брок Г.* ГДР: будни и праздники. С. 46.

¹⁶ Там же. С. 32. Здесь надо отметить следующий парадокс: военный миф о мерзнувших немцах развеивается мирным опытом общения с ними. Национальные традиции сна в холодной спальне в сочетании с занятиями спортом, закаливанием и терпеливостью свидетельствуют об индивидуальной “морозостойкости”, которая расходится с производственной “морозофобией”.

¹⁷ Этот лозунг воспроизводился в разных вариантах, например в сфере молодежной политики: “Мы учимся у наших лучших друзей – пионеров-ленинцев” (ССНМ – гвардия молодых. М., 1973. С. 11). Но если еще в середине 1980-х гг. журналист Г. Вайс мог написать: “Жители шахтерского городка до сих пор гордятся тем, что к ним в гости приезжал знаменитый русский ученый Менделеев, когда узнал, что в Ауэ найден предсказанный в его знаменитой периодической таблице один из важнейших элементов – германий” (*Вайс Г.* Утром. После войны. С. 3), то российский социолог А.Г. Здравомыслов в 2000 г. при интервьюировании видных немецких экспертов фиксирует, в частности, такое высказывание одного из респондентов: “...к концу 80-х гг. сложилось очень плохое отношение к русским. Многие восточные немцы ненавидели русских, прямо скажем. Такое отношение сложилось в ГДР к середине 80-х гг. Причем преимущественно у простых людей сложилось очень негативное отношение” (*Здра-*

но-специфическом варианте ГДР и тем самым определенную советизацию восточногерманского общества. Соответственно, авторы замечают и подчеркивают общие моменты. Конфискация земли у помещиков характеризуется следующим образом: “загудела провинция, заворошилась, – с довольной улыбкой сказал Василий Михайлович. – *Как и у нас в свое время*” (выделено мной. – С.В.)¹⁸. Строительство крупной электростанции оценивается по аналогии с СССР: “Название “Боксберг” стало для немецкого народа таким же популярным, как и у нас Магнитка, Днепрогэс. Братск, Дивногорск”¹⁹. Вообще, проведение аналогий становится излюбленным

вомыслов А.Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. М., 2003. С. 378).

¹⁸ Абызов В., Брок Г. ГДР: будни и праздники. С. 14. Речь не только о коллективизации сельского хозяйства, но и о подготовке кадров. Когда в ГДР прибыли трактора из СССР, то “первыми инструкторами, которые обучали немецких трактористов вождению советских машин, были советские танкисты – участники Сталинградской битвы” (Корольков Ю. В Германии после войны. С. 375). Мотив помощи в обслуживании тракторов становится одной из постоянных тем, которая воспроизводилась позже и авторами из ГДР: “На заводе сельскохозяйственного оборудования в Карштадте стояли на ремонте тракторы К-700 советского производства. Каждый час простоя на ремонте этих богатырей мощностью в 220 лошадиных сил обходится очень дорого. Опыта по ремонту и эксплуатации К-700 нам не доставало. Что же в этой ситуации предприняли карштадтские члены ССНМ? Они отыскали восемь комсомольцев, военнослужащих одного советского подразделения, которые у себя дома, на Украине и на Дальнем Востоке, сидели за рулем К-700. Товарищеский обмен опытом и взаимовыручка завершились тем, что тракторный цех был объявлен молодежным объектом” (ССНМ – гвардия молодых. С. 38). Как видно из данного отрывка, инициатива исходит уже не от советской стороны, а от членов ССНМ. Но результат предполагается такой же – получение экономического эффекта плюс улучшение советско-гдээрвовского сотрудничества.

¹⁹ Там же. С. 20. Советизация восточногерманского общества – это тема для дальнейших исследований. Здесь можно найти много примеров – и не только в сфере политики и экономики, но и культуры. Так, например, киносеансы в 1960-х гг. строились по советскому примеру: сначала показывался так называемый “Kulturfilm” (научно-популярный фильм до

приемом: когда речь идет о конце войны, то возникает – в совершенно иных исторических условиях – архетип героя, уставшего ждать и нарушающего привычный ход событий, – в данном случае пример матроса Железняка²⁰. Когда речь идет о выходе ГДР на мировые морские пути, используется образ “окна в Европу”²¹ и т.д.

30 мин.), потом шел Wochenschau “Der Augenzeuge” (киножурнал “Свидетель” или демонстрировался аналог советского сатирического киножурнала “Фитиль” – “Das Stacheltier” – колючка), а затем, наконец, сам художественный фильм (*Комлев Н. Deutsches Heute in Gespräch. Москва, 1961. С. 213; см. также: Deutsch. Ein Lehrbuch für Ausländer. T.I. Leipzig, 1965. S. 25*). Вместе с тем сильное влияние советской политической и экономической системы не находило адекватного воплощения в языке. По подсчетам известного западногерманского лингвиста и литературоведа проф. Х-Д. Шлоссера, в экономическом языке ГДР можно обнаружить не более 13% руссизмов // Schlosser H-D. Die deutsche Sprache in der DDR zwischen Stalinismus und Demokratie. Historische, politische und kommunikative Bedingungen. Köln, 1990. S. 72.

²⁰ Известный эпизод с матросом Железником повторяется в несколько иной форме в ситуации 1945 г.: “В городе Шверине шло в театре заседание эсэсовцев. Ничего не подозревая, они обсуждали мероприятия по обороне города. Но в тот момент, когда эсэсовцы подняли руки за предложенную местным гаулейтером резолюцию, в театр ворвался с группой автоматчиков Иван Шубин. “Заседание считаю закрытым, – скомандовал он опешившим эсэсовцам”. Эсэсовцы как сидели, так и остались сидеть с поднятыми руками” (*Макаренко Я. Белые флаги над Берлином. М., 1976. С. 9*).

²¹ “Соорудив порт в Ростоке, Германская Демократическая Республика смело “прорубила” ворота в мир, полновластно вышла на просторы Балтийского моря, решительно открыла пути для плавания на мировых морских и океанских путях” (*Макаренко Я. Белые флаги над Берлином. С. 255*). Прием аналогизирования применяется и для обоснования возможности партнерских отношений между городами СССР и ГДР: “Ленинград и Дрезден сблизил трагические события военных лет: Ленинград пережил жестокую многомесячную блокаду, Дрезден в одну ночь был превращен англо-американской авиацией в груды развалин. Однако больше всего сблизил города на Неве и Эльбе мужество и жизнелюбие граждан, восстановивших и приумноживших их красоту” (*Степанов Л. Новые*

Однако превосходство СССР не было направлено на закрепление подобного положения, наоборот, оно предполагало постепенное выравнивание позиций, и в этом усматривалась искренность советской стороны. Здесь просматривается, прежде всего, мотив *помощи поверженному противнику*: “Только что генерал рисковал своей жизнью на фронте. А тут – поворот на 180 градусов: стал помогать вчерашнему противнику!”²². Мотив помощи многократно повторяется в самых различных вариациях, но основной идеей является, как нам кажется, скрытая христианская линия – в виде сострадания к ближнему²³. Эта помощь была искренней, дружеской²⁴ и в этом своем качестве отличалась от отношения других союзников к местному населению: “К немцам американцы относились как к неграм”²⁵.

С другой стороны, это христианское чувство парадоксальным образом сочеталась с советской садомазохистской моделью самоформирования и, следовательно, самопреодоления человека, изменения себя и властвования над собой²⁶. Военная и послево-

легенды Гарца. М., 1969. С. 20). Однако данный прием может быть использован и для аргументирования совершенно противоположной позиции: в западногерманском идеологическом дискурсе при обсуждении темы блокады Ленинграда время от времени всплывает тема блокады Советским Союзом Западного Берлина в 1948 г., которая (блокада) изображается как поставившая эту часть Берлина на грань голодной смерти. Тем самым как бы уравнивается блокада Ленинграда и блокада Западного Берлина.

²² Абызов В., Брок Г. ГДР: будни и праздники. С. 9.

²³ Это нашло свое воплощение в рассказах, во-первых, про снабжение продовольствием населения оккупированного Берлина и других населенных пунктов, во-вторых, в рассказах про помощь немецким военнопленным (русские женщины и солдаты, дающие хлеб военнопленным). Мотив сострадания и “оделения хлебом” встречается и в воспоминаниях немецких солдат. См., например: Первый миг свободы. М., 1975. С. 193.

²⁴ Абызов В., Брок Г. ГДР: будни и праздники. С. 18.

²⁵ Корольков Ю. В Германии после войны. С. 16.

²⁶ Это проявлялось во всех сферах деятельности. Так, например, Г. Вайс, работавший в СВАГ в газете “Tägliche Rundschau”, отмечал: “На первых

енная литература полна примерами такой внутренней борьбы, которая – в силу разного рода внешних и внутренних обстоятельств – не всегда разрешалась в пользу побежденных. Примером первого варианта является офицер, у которого погибла вся семья, он не хочет быть комендантом, но ему приказывают, и он становится комендантом, притом очень хорошим: “... вчера он воевал против немцев, а сегодня помогает им!”²⁷. Примеры второго варианта действий приведены в книге воспоминаний известного германиста и автора “Вуппертальского проекта” Льва Копелева “Хранить вечно”²⁸. Так, на основе мотивов сострадания и помощи, основанных на идеологическом (при этом внутренне противоречивом) тезисе о невинности немецкого наро-

порах немецкие сотрудники были буквально сбиты с толку, они долго не могли понять: почему мы так откровенно и беспощадно критикуем самих себя, невзирая на лица и ранги, в присутствии немецких сотрудников?” (Вайс Г. Утром, после войны. С. 237).

²⁷ Абызов В., Брок Г. ГДР: будни и праздники. С. 10-11. О том, какие негативные чувства испытывали советские солдаты и офицеры, напишет Г. Вайс спустя 29 лет после окончания войны: “Поездка по Берлину взволновала нас еще и по другой причине. Что скрывать, мы не забыли – не могли забыть – ту пору, когда каждый из нас ненавидел этот город” (Вайс Г. Утром, после войны. С. 227). На основе данного и многих других подобных ему высказываний возникает предположение о том, что данная модель самопреодоления, служившая манипулятивным целям во внутриполитическом аспекте, во внешнеполитическом оказывалась эффективным средством адаптации советских военнослужащих к сложным реалиям послевоенной Германии.

²⁸ Копелев Л.З. Хранить вечно. М., 1990. Отметим, что дилемма отношения к поверженному противнику и ее интерпретация является постоянной проблемой в российско-германских исторических интерпретациях. Если советская пропаганда делала упор на гуманизм советских солдат и офицеров, не обсуждая проблемы мести немцам в конце войны, то сейчас маятник качнулся – и официальные западногерманские версии конца войны начинаются с рассказов о миллионах изнасилованных советскими солдатами немки (например, экспозиция в Форуме современной истории в Лейпциге).

да, закладывался фундамент и становилась возможной легитимация советско-гэдээровской дружбы.

Легитимация ГДР имела и исторический аспект, воспроизводившийся во многих публикациях. Речь шла не только о связи с огромным культурным наследием, позволявшим благодаря своей непрерывности компенсировать разрывы и провалы германской политической истории, но и укоренить происхождение ГДР не в субъективной политической воле оккупационных войск, а в определенных исторических тенденциях. Если “социализм, воплощающий исторический прогресс, благополучие и будущее народов, обладает превосходством, он неодолим”²⁹, то в этом своем качестве он воплощает прогрессивную направленность истории. Так появляется телеологизм – ведь вся предшествующая история Германии находит свое апофеозное выражение в существовании ГДР. Но тогда возможна и инверсия телеологизма – в виде тезиса о том, что усилия предшествующих поколений революционеров не пропали даром, и тогда получают смысл все жертвы, лишения, классовые бои и т.д. Этот момент был хорошо выражен в реплике одного мекленбуржца: “Я вот думаю, какая условная вещь хронология. Тридцать лет исполнилось нашей республике, а началась она для меня с того самого часа, когда вступил в партию. Выходит, уже больше шестидесяти лет я работаю на ГДР”³⁰. Согласно такой позиции, в зависимости от точки и субъекта отсчета, ГДР может быть не 30 или 40 лет, а 60 лет или больше. Так социалистическая республика оказывается укорененной в исторических судьбах людей и отдельных групп (партий, объединений и т.п.) и благодаря этому обстоятельству распространяется далеко в прошлое. Во-вторых, произошло уплотнение временного ритма – ведь за немногие десятилетия существования ГДР были решены традиционные большие проблемы германского общества: “искоренены фашизм, империализм и милитаризм... восстановлено единство рабочего класса”³¹. Это означало не

²⁹ *Хонеккер Э.* Всемирно-историческая победа во имя мира и счастливого будущего человечества // Правда. 1985. 7 мая.

³⁰ *Иванов Н.К.* Встречи в ГДР. М., 1985. С. 21.

³¹ *Хонеккер Э.* Указ. ст.

только волевое ускорение исторического процесса, навеянное советским опытом (“время, вперед!”), но и объективное уплотнение исторических преобразований.

Переход к партнерским отношениям связан с укреплением и развитием социалистического немецкого государства. Если на XI съезде СЕПГ в 1976 г. ставился вопрос о строительстве развитого социалистического общества, то это – при всех возможных оговорках – означало новое самосознание политической и хозяйственной элиты ГДР: “Большие успехи, достигнутые республикой за годы социалистического строительства, выдвинули ее в число десяти наиболее развитых в промышленном отношении государств мира”³². Но успехи были и в других сферах, например в спорте, и достижения спортсменов ГДР на Олимпиадах заставляли говорить о ГДР как о спортивной сверхдержаве. Исходное противоречие, связанное со Второй мировой войной, рассматривалось как разрешенное.

Наступает новый этап в отношениях СССР и ГДР, происходит выравнивание неравенства и переход к паритетному партнерству. Это отражается и в публикациях – “обмен опытом” становится постоянным рефреном: “Наши друзья – дотошные ученики, впрочем, не то слово – “ученики”. И нам надо у них учиться...”³³, “...опыт по использованию бывших угольных разработок был не только изучен, но и с успехом применен в Советском Союзе, в частности в Экибастузе”³⁴. Партнерство в сфере экономики означало, что “каждая новостройка молодой республики была новостройкой дружбы”³⁵. Постоянно воспроизводится параллелизм экономических и дружеских отношений: “Дружеские связи между

³² Германская Демократическая Республика: Справочник. М., 1979, С. 40.

³³ *Абызов В., Брок Г.* ГДР: будни и праздники. С. 24. Во многих публикациях в большей или меньшей мере воспроизводится обращение к опыту ГДР: “...Сейчас... улучшаем мы и работу такси (в Москве. – С.В.). В этой связи весьма полезен опыт братской страны по привлечению к обслуживанию населения владельцев личного автотранспорта” (Правда. 1987. 26 февр. С. 4).

³⁴ *Абызов В., Брок Г.* ГДР: будни и праздники. С. 22.

³⁵ *Иванов Н.* Встречи в ГДР. С. 3.

предприятиями СССР и ГДР существуют уже не один десяток лет. На многих заводах в Берлине или Лейпциге, в Магдебурге или Дрездене вам с гордостью расскажут о сердечных отношениях с коллективом того или иного советского предприятия. Друг к другу ездят делегации, идет обмен опытом партийной, профсоюзной, молодежной работы. Стали обычными обмены и целыми рабочими бригадами³⁶.

Однако чем более всесторонними и открытыми становятся отношения, тем более откровенно можно говорить о проблемах и расхождениях во взглядах. Различия наблюдаются, прежде всего, в сфере трудовой этики, где сталкивались традиционные педантично-немецкие и аврально-советские представления о трудовом процессе: “Однако не все у Круглякова шло гладко. Строгий распорядок, которого неукоснительно придерживались немецкие товарищи, иногда входил в противоречие с производственной технологией”³⁷. Если советские монтажники были готовы работать несколько суток подряд, без больших перерывов, то для немецких монтажников это был “большой беспорядок”. Вызывает удивление и время начала работы: “В ГДР трудовой день начинается раньше, чем у нас. Производственники – обычно в семь, учреждения – в восемь. Совещания, симпозиумы, съезды – тоже в восемь”³⁸. Особо болезненный пункт – это культ бережливости и экономии, который пронизывал буквально все сферы жизни ГДР – от производственного процесса на крупном комбинате до освещения подъезда в жилом доме. Отсюда у советских авторов появляется некий внутренний надрыв, который, однако, тщательно маскируется: “Не раз убеждался, что в ГДР вкладывают в понятие “бережливости”, “рачительности” более глубокий смысл, чем мы, не сводят ее к простой экономии”³⁹. Так появляется латентная функция косвенной крити-

³⁶ Подключников М. “Фортшритт” – значит прогресс // Правда. 1988. 4 июля. С. 5.

³⁷ Абызов В., Брок Г. ГДР: будни и праздники. С. 24.

³⁸ Там же.

³⁹ Осинский И. Бережет ли пфенниг марку // Правда. 1989. 25 мая. С. 5. Далее автор пишет уже более откровенно: “Особо стоит, пожалуй, сказать

ки экономической ситуации в СССР. Характеризуя, например, развитие садоводства в ГДР и повествуя о “садах Шребера”⁴⁰, автор рассказывает о порядке на садовых делянках, о подведении водопровода и дороги к коллективным садам, о кредитах на покупку сада, помощи в строительстве садового домика, о заготовительных пунктах на территории садов, где можно сразу сдать излишки выращенного урожая, и т.д.⁴¹ Обращенные к советскому читателю, эти строки могли вызвать уважение и зависть по отношению к восточным немцам и досаду при воспоминании о собственной садовой Одиссее.

Фиксируются не только экономические, но и культурные различия. Так, в публикациях появляется вечно популярная тема молодой семьи и воспитания детей: “Прежде всего – самостоятельность совсем еще юных людей. Такими их воспитывают с детства. Возле магазина стоят коляски. Мамы что-то покупают, а малыши спят себе, посапывают. Но вот кто-то из них проснулся, заплакал. Но это никого не тревожит. Даже мать, если она рядом. Поплачет и перестанет. Так надо. Для самого малыша. Едва ребенок начинает ходить, он должен делать все сам. Сам одевается, сам делает уроки, сам собирает модель из конструкторского набора, предварительно сам разобравшись в схеме и отложив нужные детали. Самостоятельность и любознательность ребенка поддерживают всегда и везде: дома, в детском саду, в школе. Немцы говорят: чего не узнает Гансик, того не будет знать Ганс”⁴². Отмечается и жесткость в от-

об отношении в ГДР ко вторсырью. Откровенно говоря, не приходилось видеть здесь шумных кампаний, яростных дискуссий в прессе – вроде того, как добиться, чтобы выдаваемые за сданную макулатуру талоны на дефицитные книги сами не превращались в макулатуру” (Там же).

⁴⁰ Лейпцигский врач и педагог Даниэл Готлиб Шребер (1808–1861) являлся инициатором и основателем своеобразного “садового движения”. Стремясь к улучшению быта рабочих, он ратовал за создание так называемых “Kleingarten” (маленьких садов или, скорее, садовых участков) в пригородах больших городов. В 1852 г. он создал близ Магдебурга первый сад для детей рабочих, а в 1870 г. основал в Лейпциге первую садовую колонию.

⁴¹ *Иванов Н.* Встречи в ГДР. С. 183-191.

⁴² *Абызов В., Брок Г.* ГДР: будни и праздники. С. 92-93.

ношениях между поколениями: “Пожились молодые – путешествие, медовый месяц и прочее, и прочее. Но вот началась жизнь со всеми ее заботами, большей частью мелкими, бытовыми. У наших немецких друзей на этот счет такое правило: женились, обзавелись ребенком – зер гут! Живите и воспитывайте своего наследника (или наследницу) сами. *Как это делали мы*”⁴³. Однако в целом большинство авторов отмечает комфортность, предсказуемость, обустроенность повседневной жизни в ГДР. Запущенность быта в СССР (прежде всего в провинциальной России) резко контрастировала с благополучием восточногерманского населения. Различия в традициях повседневности в ГДР и СССР приводило к тому, что возникала ситуация культурного шока от образа жизни восточных немцев⁴⁴. Его в большей или меньшей степени испытывали все советские посетители ГДР – журналисты, специалисты и рабочие, солдаты и офицеры. Этот шок преодолевался по-разному: от бегства солдат и офицеров в Западную Германию, скупания всевозмож-

⁴³ Там же. С. 94. Мы не затрагиваем вопросы культурного сотрудничества, но здесь также воспроизводились некоторые скрытые проблемы советско-гдэрэровских отношений. Вот лишь один из примеров: повествуя о фестивале Генделя в Галле в 1988 г., автор статьи пишет: “Когда мы рассказали в галльской ратуше, что в Ленинграде уже трижды проходил фестиваль “Невские хоровые ассамблеи”, что в программах его звучит русская хоровая музыка, начиная с XI в., просвещеннейший человек доктор Мейер сказал, что для него это – откровение. Хотелось крикнуть: боже, покарай нас за скромность! Она – не что иное как небрежение к огромной и прекрасной хоровой культуре собственного народа. Эта культура обязана стать достоянием человечества. Вернее, мы обязаны сделать ее таковой. Больше никому” (*Горчакова Э. Фестиваль в Галле: взгляд со своего берега // Советская культура. 1988. 9 июля. С. 8*). Как видно из приведенной цитаты, исходная ситуация незнания русской культуры сохраняется, но автор возлагает ответственность уже не на восточных немцев, а на соотечественников.

⁴⁴ Мы оставляем в стороне вопрос о пребывании на завоеванной территории как о своеобразном – военном – туризме. В 1945 г. советские войска, вступившие на территорию Восточной Германии, также – в большей или меньшей степени – испытали культурный шок при встрече с немецким образом жизни и труда.

ных предметов длительного пользования и отправки эшелонов с имуществом на родину до защитной реакции в форме гендерного национализма или негативной оценки (“русские девушки самые красивые”, “немцы слишком холодны при воспитании детей” и т.д.). Сохранявшееся военное превосходство СССР начинало проигрывать в соревновании с повседневностью ГДР. Бытовое превосходство ГДР приобретало все большую значимость как в глазах восточных немцев, так и воинского контингента ГСВГ.

Подведем некоторые итоги. Позитивный образ ГДР был нужен не только правящей элите СССР, он был нужен всем советским людям, ибо он, как “витрина социализма”, свидетельствовал о правильности пути, выбранного СССР, и это была легитимация советского пути извне.

Превосходство СССР по мере развития ГДР постепенно сходило на нет и превращалось в отношения экономического, политического, культурного партнерства. Сохранявшееся советское военное превосходство потеряло свое значение и вступило в противоречие с восточногерманской культурой повседневности, что послужило впоследствии серьезным детонатором при разрушении сложившейся системы советско-гдэрских отношений.

В целом же существовала надежда на ГДР как на союзника. Вместе с тем оттуда не ждали чего-то нового, необычного. ГДР не диктовала моду в музыке, живописи, литературе. Это был консервативный образ, в котором определяющими были бесконфликтность, определенность движения к развитому социализму, эффективность (“наиболее развитая страна социалистического блока”). Тем самым ГДР выступала как воплощение советского сознательного и подсознательного стремления к лучшей жизни.

Представленные выше рассуждения являются лишь первым наброском проблемного поля и вызывают, в свою очередь, новые вопросы.

Может ли рассматриваться идеализация образа ГДР в советском массовом сознании посредством политической и страноведческой литературы как часть стратегии построения идентичности советского человека в послевоенное время? Возможна ли была такая идентичность без чувства какого-либо превосходства?

Не свидетельствует ли быстрый распад общества “Германо-советской дружбы” не столько о неискренности восточных немцев, сколько, во-первых, об определенной автономности культурных практик повседневности по отношению к официальной идеологии и, следовательно, о необходимости корректировки традиционных представлений о тоталитарном обществе в ГДР, а во-вторых, о различном – функционалистском и метафизическом – понимании дружбы, присутствующем в культуре различных этносов?

Имеет ли опыт построения дружеских отношений между населением ГДР и СССР значение в современных условиях столкновения различных цивилизаций и ситуаций вступления войск одного или нескольких государств на территорию другого государства? Не демонстрирует ли история сотрудничества ГДР и СССР возможность – пусть хотя бы ограниченного – примирения двух народов после только что закончившейся войны?

Может ли рассматриваться влияние СССР на ГДР не только в рамках имперско-тоталитарной парадигмы, но и в рамках своеобразной попытки ранней глобализации? Не прошли ли СССР и ГДР такие этапы в своем взаимодействии, которые в своем основном содержании будут воспроизводиться, пусть и в иных исторических формах, в современных условиях глобализации?